

М. В. Ломоносов

Полное собрание сочинений

Том 7. Труды по филологии 1739-1758 гг.

Л75 **Ломоносов М.В.**
Полное собрание сочинений: Том 7. Труды по филологии 1739-1758 гг. / М. В. Ломоносов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 970 с.

ISBN 978-5-458-23447-4

Михаил Васильевич Ломоносов человек необъятных дарований и научной энергии, величайшей деятель культуры XVIII века, лучший продолжатель идей петровского времени. Ломоносов работал в области всех известных в его время наук и почти в каждой сделал замечательные открытия. Он был философом, физиком, химиком, металлургом, географом, биологом, астрономом, филологом одновременно. В этом отношении Ломоносов был последним представителем фаланги великих людей, выдвинутых во всей Европе эпохой Возрождения, людей типа Леонардо да Винчи или Галилея. Белинский так писал о Ломоносове: «Ослепительно и прекрасно было это явление. Оно доказало собой, что человек есть человек во всяком состоянии и во всяком климате, что гений умеет торжествовать над всеми препятствиями, какие ни противопоставит ему враждебная судьба, что, наконец, русский способен ко всему великому и прекрасному». Настоящее издание сочинений Ломоносова наиболее полное из всех. Оно подготовлено на основе большой работы ученых по разысканию, описанию и изучению разнообразного и богатейшего научного наследия Ломоносова. В издание включается несколько сот документов, не вошедших в последнее академическое издание и ранее не опубликованных. В число этих документов входит ряд статей и заметок научного значения, автобиографические документы, переводы и разнообразные служебные бумаги, характеризующие Ломоносова как выдающегося организатора русской науки и просвещения XVIII века. Особо следует отметить документы, относящиеся к деятельности Ломоносова как ученого-экспериментатора. Все публикуемые тексты сверены с первоисточниками рукописями и прижизненными изданиями. В отдельных случаях, когда ни рукописей, ни прижизненных изданий не сохранилось, текст печатается по наиболее достоверному, критически изученному источнику. Произведения печатаются по новой орфографии с заменой пунктуации Ломоносова современной пунктуацией, но с сохранением, по возможности, всех особенностей, присущих языку Ломоносова. Все тексты, написанные на латинском языке, печатаются одновременно на языке оригинала и в русском переводе. Произведения Ломоносова распределены по разделам его деятельности. Каждому разделу посвящен один том или несколько томов, в зависимости от объема материала. В пределах каждого тома произведения расположены хронологически по времени их написания или публикации. Некоторые отступления от этого принципа сделаны лишь в отдельных случаях, когда это вызывалось необходимостью сохранить органическую связь между однородными произведениями. В отличие от старых изданий сочинений Ломоносова, в которых при распределении материала сначала печатались художественные произведения и филологические труды, в настоящем издании первые тома посвящены научным трудам по физике, химии и другим естественным наукам. В конце каждого тома даются краткие примечания справочного характера к опубликованным в томе работам и указатель личных имен. Настоящее полное собрание сочинений Ломоносова осуществляется Главной редакцией издания при непосредственном участии Комиссии по истории Академии Наук СССР, архива Академии Наук СССР и приглашенных специалистов.

ISBN 978-5-458-23447-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

хах, по обыкновению латинских стихотворцев, стопы и, сколько из сего гексаметра

Materiam quaeris? Laudes de Caesare dixi (ibidem).

[Ты спрашиваешь о теме? Я произнес похвалу Цезарю (там же)].⁷

заклЮчить можно, двоесложные и троесложные в героическом своем поэмате употреблял, однако толь высокого разума пиита не надеюсь, что так погрешил, чтобы ему долгость и краткость слогов, латинскому или греческому языку свойственную, в оные стихи ввести, которые он на чужом и весьма особливом языке писал. И ежели древний оный язык от нынешнего нашего не очень был различен, то употреблял остроумный тот стихотворец в стихах своих не иные, как только те за долгие слоги, на которых акцент стоит, а прочие все за краткие. Следовательно, гексаметры, употребляя вместо спондеев для их малости хорей, тем же образом писал, которым следующие российские сочинены:

Счастлива красна была весна, все лето приятно.
Только мутился песок, лишь белая пена кипела.

А пентаметры:

Как обличаешь, смотри больше свои на дела.
Ходишь с кем всегда, бойся того подопнуть.⁸

А не так, как Славенския грамматики автор:

Сарматски новораствныя музы^а стопу перву,
Тщащуюся Парнас во обитель вечну заяти,
Христе царю, прими и, благоволив тебе с отцем,⁹
и проч.

Сии стихи коль славенского языка свойству противны, всяк видеть может, кто оный разумеет. Однако не могу я и оных сим предпочитать, в которых все односложные слова за долгие почитаются. Причина сего всякому россиянину известна. Кто бу-

^а У Смотрицкого мусы.

дет протягивать еднoсложные союзы и многие во многих случаях предлоги? Самые имена, местоимения и наречия, стоя при других словах, свою силу теряют; например: за сто лет; под мост упал; ревет как лев; что ты знаешь? По оному королярию, в котором сие правило счастливо предложено,¹⁰ сочиненные стихи, хотя быть гексаметрами, в истые и изрядные, из анапестов и ямбов^a состоящие пентаметры попали, например:

Нёвѡзмѡжнѡ сѣрдцѹ, ах! нѣ ймѣть пѣчалй.¹¹

По моему мнению, наши еднoсложные слова иные всегда долги, как: бог, храм, свят, иные кратки, например союзы: же, да, и, а иные иногда кратки, иногда долги, например: на море, по году, на волю, по горѣ.

Второе правило: во всех российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашѣму языку свойственные стопы, определенным числом и порядком учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оных, довольное России дада изобилие. В сокровище нашего языка¹² имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство, так что в наши стихи без всякия нужды двoсложные и трoсложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем. Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть, чтобы они ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели,¹³ а с другой, — такую волю дать, чтобы вместо хорей свободно было положить ямба, пиррихия и спондея,¹⁴ а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве последуя на рифмы кончащимся польским и французским строчкам? Неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено,¹⁵ никакого нашему стихосложению закона и правил дать не мо-

^a В первой публикации ошибочно хореев.

жет. Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радеют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят, нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут, понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинил: ¹⁶

Quelle docte et sainte ivresse
 Aujourd'hui me fait la loi?
 Chastes Nymphes du Permesse etc.,
 [Какое ученое и священное пьянство дает мне
 днесь закон? Чистые пермесские музы...]^a

однако нежные те господа, на то не смотря, почти одними рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма символом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что, сугорбившись и раскарячившись, при музыке играющего на скрипиче сатира танцует. Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может. Сие толь долго пренебреженное счастье чтобы совсем в забвении не осталось, умыслил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составлять и от тех, как в вышеозначенных трех языках обыкновенно, оным имена дать.

Первый род стихов называю ямбическим, который из одних только ямбов состоит:

Блѣёт, бѹдѹ снѣг, лйцѹм.¹⁷

Второй — анапестическим, в котором только одни анапесты находятся:

^a Перевод Ломоносова, *Рит.* 1748, § 239.

Начертан многократно в бегущих волнах.

Третий — из ямбов и анапестов смешанным, в котором, по нужде или произволению, поставлены быть могут, как случится:

Во пишу себе червей хватать.

Четвертый — хорейским, что одни хорей составляют:

Свет мой, знаю, что пылает.
Мне моя не служит дбля.

Пятый — дактилическим, который из единых только дактилей состоит:

Вьётся кругами змий по траве, обновившись в рассейне.

Шестой — из хореев и дактилей смешанным, где, по нужде или по изволению, ту и другую употреблять можно стóпу.

Ежель бойтся, кто не стал бы силен безмерно.

Сим образом расположив правильные наши стихи, нахожу шесть родов гексаметров, столько ж родов пентаметров, тетраметров, триметров и диметров, а следовательно, всех тридцать родов.

Неправильными и вольными стихами те называю, в которых вместо ямба или хорей можно пиррихия положить.¹⁸ Оные стихи употребляю я только в песнях, где всегда определенное число слогов быть надлежит. Например, в сем стихе вместо ямба пиррихий положен:

Цветы, румянец умножайте.

А здесь вместо хорей:

Солнцевá сестра забыла.

Хорей вместо ямба и ямба вместо хорей в вольных стихах употребляю я очень редко, да и то ради необходима́я нужды

или великия скорости, понеже они совсем друг другу противны.

Что до цезуры надлежит, оную, как мне видится, в середине правильных наших стихов употреблять и оставлять можно. Долженствует ли она в нашем гексаметре для одного только отдыху быть неотменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочитатъ не может.¹⁹ За наилучшие, велелепнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие оные стихи почитаю, которые из анапестов и ямбов^a состоят.

Чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако, поднимая тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают.²⁰ Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей нынешней и учинил. Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилев составленные стихи, к изображению крепких и слабых аффектов, скорых и тихих действий быть видятся. Пример скорого и ярого действия:

Брѣвна катайте наверх, каменя и горы валите,
Лес бросайте, живучий выжав дух, задавите.

Прочие роды стихов, рассуждая состояние и важность материи, также очень пристойно употреблять можно, о чем подробну упоминать для краткости времени оставляю.

Третье: российские стихи красно и свойственно на мужеские, женские и три литеры гласные, в себе имеющие рифмы, подобные италианским, могут кончиться. Хотя до сего времени только одне женские рифмы в российских стихах употребляемы были, а мужеские и от третьего слога начинающияся заказаны, однако сей заказ толь праведен и нашей версификации так свойственен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровом:

---

^a В первой публикации ошибочно хореев.

человеку всегда на одной скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше, откуда, пришед в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим польским рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими, понеже все польские слова, выключая некоторые односложные, силу над предкончаемом слоге имеют. В нашем языке толь же довольно на последнем и третьем, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится; то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только одними женскими побрякивать, а мужеских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужеские рифмы толь смешны и подлы были, чтобы их только в комическом и сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было? ²¹ И чем бы святее сии женские рифмы: *красовулях, ходулях* ²² следующих мужеских: *восток, высок* были? По моему мнению, подлость рифмов не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют, но что оных слова подлое или простое что значат.

Четвертое: российские стихи так же кстати, красно и свойственно сочетаваться могут, как и немецкие. Понеже мы мужеские, женские и тригласные рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собою перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одне женские рифмы употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся, ²³ однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках. Никогда бы мужеская рифма перед женскою не показалася, как дряхлый, черный и девяносто лет старый арап перед наипокланяемою, наинежною и самым цветом младости сияющею европейскою красавицею. ²⁴

Здесь предлагаю я некоторые строфы из моих стихов в пример стоп и сочетания. Тетраметры, из анапестов и ямбов сложенные:

На восходе солнце как зардится,
Вылетает вспылчиво хищный восток.
Глаза кровавы, сам вертится;
Удара не сносит север в бок,
Господство дает своему победителю,
Пресильному вод морских возбудителю.
Свои тот зыби на прежни возводит,
Являет полность силы своей,
Что южной страной владеет всей,
Индийски быстро острова проходит.

Вольные вставающие тетраметры:

Одна с Нарциссом мне судьбина,
Однако с ним любовь моя:
Хоть я не сам тоя причина,
Люблю Миртилле, как себя.

Вольные падающие тетраметры:

Нимфы окол нас кругами
Танцевали поючи,
Всплескиваячи руками,
Нашей искренной любви
Веселяся привечали
И цветами нас венчали.

Ямбические триметры:

Весна тепло ведет,
Приятный запад вест,
Всю землю солнце греет;
В моем лишь сердце лед,
Грусть прочь забавы бьет.

Но, мои господа, опасаяся, чтобы неважным сим моим письмом вам очень долго не наскучить, с покорным прошением заключаю. Ваше великодушие, ежели мои предложенные о российской версификации мнения нашему языку не свойственны и не

пристойны, меня извинит. Не с иным коим намерением я сие учинить дерзнул, как только чтобы оных благосклонное исправление или беспристрастное подкрепление для большего к поэзии поощрения от вас получить, чего несомненно надеясь, остаюсь, почтеннейшие господа,

ваш покорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

2

**КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К РИТОРИКЕ
НА ПОЛЬЗУ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛАДКОРЕЧИЯ**

